

Павел Глушаков

От Толстого до Лотмана:

НАБЛЮДЕНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

*

В русской литературе есть два поразительных описания смерти: умирали Иван Иванович («Каштанка» Чехова) и Иван Ильич («Смерть Ивана Ильича» Толстого).

— К-ге! — крикнул Иван Иванович. — К-ге-ге!

Опять отворилась дверь, и вошел хозяин со свечой. Гусь сидел в прежней позе, с разинутым клювом и растопырив крылья. Глаза у него были закрыты. <...>

Иван Иванович не шевелился и не открывал глаз. Хозяин пригнул его голову к блюдечку и окунул клюв в воду, но гусь не пил, еще шире растопырил крылья, и голова его так и осталась лежать в блюдечке.

— Нет, ничего уже нельзя сделать! — вздохнул хозяин. — Всё кончено. Пропал Иван Иванович! <...>

Начинался рассвет, и в комнатке уже не было того невидимого чужого, который пугал так Тетку. Когда совсем рассвело, пришел дворник, взял гуся за лапы и унес его куда-то. А немного погодя явилась старуха и вынесла корытце.

— У! Уу! У! — кричал он на разные интонации. Он начал кричать: «Не хочу!» — и так продолжал кричать на букву «у». <...> Для него все это произошло в одно мгновение, и значение этого мгновения уже не изменялось. Для присутствующих же агония его продолжалась еще два часа. В груди его kloкотало что-то; изможденное тело его вздрагивало. Потом реже и реже стало kloкотанье и хрипенье.

— Кончено! — сказал кто-то над ним.

Он услышал эти слова и повторил их в своей душе. «Кончена смерть, — сказал он себе. — Ее нет больше».

Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер.

*

Толстовское присутствие в стихотворении А. Блока «На железной дороге» (1910) заявлено самим автором: «Бессознательное подражание эпизоду из “Воскресения” Толстого: Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне Нехлюдова на бархатном кресле ярко освещенного купе первого класса»¹.

Между тем, возможно, только «Воскресением» это воздействие не ограничилось. В авторском вступлении к повести «Хаджи-Мурат» находим и сходные пространственные детали отчужденного пространства («...заметил в канаве...», «...среди этого мертвого черного поля...» и «Под насыпью, во рву некошенином...»), образ *сломанного цветка* как метафоры погубленной жизни («...стебель был сломан... <...> Точно вырвали у него кусок тела, вывернули внутренности, оторвали руку, выкололи глаз»). Появляется *платок*, при помощи

1 Блок А.А. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 3. М.: Наука, 1997. С. 940.

которого автор попытался сорвать цветок татарника, и *колесо* («Видно было, что весь кустик был переехан колесом...»). Наконец, сам мотив «напрасной жертвы» («...я узнал в кустике такого же “татарина”, которого цветок я напрасно сорвал и бросил»), *грязи*, приставшей к *чистому* созданию («Любовью, грязью иль колесами / Она раздавлена — всё больно» и «Один стебель был сломан, и половина его, с грязным цветком на конце, висела книзу; другой, хотя и вымазанный черноземной грязью, все еще торчал кверху»), сближает тексты Толстого и Блока.

Неистребимая жизнестойкость толстовского образа претворяется у Блока лишь иллюзией жизни («Лежит и смотрит, как живая...»), однако моральная позиция, столь прямо выраженная в «Хаджи-Мурате», вполне разделяется читателями «На железной дороге»: «Экое разрушительное, жестокое существо человек...»

*

Из «диалога» — П.П. Шариков и Л.Н. Толстой:

— Да какой тут способ, — становясь словоохотливее после водки, объяснил Шариков, — дело не хитрое. А то что ж: один в семи комнатах расселился, штанов у него сорок пар, а другой шляется, в сорных ящиках питание ищет.

(М. Булгаков, «Собачье сердце»)

Уничтожили рабов — бумаги на владение рабами, но все-таки не только меняли каждый день белье, делали ванны, ездили в экипажах, обедали 5 кушаний, живем в 10 комнатах...²

*

С разницей в три года написаны книги совершенно разных писателей: Валентина Распутина и Василия Аксенова. «Прощание с Матерой» (1976) и «Остров Крым» (1979) — эти два обреченных *острова*, гибель которых от рук чужаков («пожегщиков» у Распутина) кажется фатальным предсказанием грядущей катастрофы старой цивилизации.

*

Две выписки.

Первая — век XVIII:

Ох, страшный он какой! Всяк может испугаться;
Представьте вы себе: он ростом как гайдук,
Глаза навывкате, а черен так, как жук;
Какая саблища, какие сапожищи!
Взгляд зверский у него, престрашные усищи;
Как усом он своим проклятым поведет,

2 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 50. М.: ГИХЛ, 1952. С. 29.

Клянуся вам, сударь, что сердце обомрет.
Я слышу, он идет — примите под защиту³.

Вторая — XX век:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища⁴.

*

Зловещий образ *усатого* вождя вполне уже сформировался к началу 1930-х годов, свидетельством чего является один пассаж из воспоминаний Д.С. Лихачева, относящихся к 1932 году:

знаком того, что народ знал о злодеяниях Сталина, были анекдоты. Запишу здесь только один, на котором есть своеобразная «отметка времени». Побывала крестьянка в городе и рассказывает: «Висит огромный, усатый, страшный и надпись над ним: “Заем пятилетку в четыре года”»!⁵

Между тем перед нами, возможно, то явление, когда этот образ культивировался самим Сталиным. Когда в 1939 году он в очередной раз смотрел спектакль «Дни Турбиных», была произнесена тотчас широко разошедшаяся фраза, обращенная к Хмелеву: «Мне даже снятся ваши черные усики...»⁶ Говоря это, вождь не мог не понимать, *чьи* усы неминуемо представляются слушателям этой столь личной, в сущности, сентенции: *усики* Хмелева-Турбина или *усища* Сталина. Именно последние и должны были сниться теперь уже всей стране.

*

Фет («Шепот, робкое дыханье...») и Пушкин («К Наталье»):

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья
<...>

-
- 3 *Судовщиков Н.Р.* Неслышанное диво, или Честный секретарь // Стихотворная комедия конца XVIII — начала XIX века. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 252.
 - 4 *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 184.
 - 5 *Лихачев Д.С.* Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: В 3 т. Т. 1. СПб.: Арс, 2006. С. 228.
 - 6 *Дневник Елены Булгаковой.* М.: Книжная палата, 1990. С. 270.

Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье
<...>

*

Когда Давид Заславский в 1958-м громил Пастернака, он, думается, вспомнил свой ранний «сердитый окрик» в сторону Ахматовой. В результате статья в «Правде» наполнилась, кажется, неслучайными переключками.

Роман Пастернака — это политический пасквиль, а пасквиль — это не художественная литература. Можно, обмакнув квач в деготь, густо вымазать забор, но это не искусство, деготь — не краска и квач — не кисть художника. <...> ...он оказался... выходцем с того света, сорной травой на советской ниве. <...> Пастернак подтверждает, что в нашей социалистической стране, охваченной пафосом строительства светлого коммунистического общества, он — сорняк?

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий...

А Пастернак злобно клеветает на советскую власть, на наш героический народ, рисуя на радость врагам Советского Союза...

И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

*

У цикла Ахматовой «Тайны ремесла» авторская датировка: 1936—1960. Наибольшую известность среди стихов этого цикла имеют, конечно, знаменитые строки «Как лопухи и лебеда», упоминание *таинственной плесени на стене*.

Вот что мы узнаем из популярной статьи «Огород и творчество. Что сажал на своей даче Борис Пастернак?»:

Прибыв в Переделкино, мы сразу же отправляемся к самому знаменитому месту писательского городка — даче Бориса Леонидовича Пастернака. Найти дом писателя просто: он находится на окраине литературного поселка: улица Павленко, дом 3.

Интересно, что изначально знаменитому писателю был выделен другой дом, однако Борису Леонидовичу он не подошел из-за *излишней сырости* и затененности, и уже в 1939 году семья Пастернака переехала в другое здание, которое показалось ему более уютным и располагающим к творчеству. <...> На создание огорода писателя вдохновил его друг и сосед по старому участку писатель Борис Пильняк. Будучи активным и общительным человеком, Пильняк любил собирать

7 Заславский Д. Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка // Правда. 1958. 26 октября. № 299. С. 4.

множество гостей на своей даче и сажать различные растения. В частности, в 1936 году ему был подарен японский лопух гобо, который растет и по сей день⁸.

Об этом же в «Новом мире» свидетельствует А. Кознова («...привезенные из Японии лопухи (они до сих пор растут на участке и достигают человеческого роста)»⁹) в статье о первых жильцах литературного Переделкино.

*

Иосиф Бродский, 1962:

Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам
Вдоль березовых роц, отбежавших во тьме, к треугольным домам
<...>
Вдоль оврагов пустых, мимо черных кустов, не отыщется след...
<...>¹⁰

Николай Рубцов, 1963:

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
<...>
...ночью промчался какой-то неведомый всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...¹¹

*

Правящей партии нужно было ровно пятьдесят лет, чтобы солидаризироваться с мыслью О.Э. Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933). Об этом в речи на пленуме КПСС (1983) сообщил наконец Ю. Андропов:

Стратегия партии в совершенствовании развитого социализма должна опираться на прочный марксистско-ленинский теоретический фундамент. Между тем, если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной степени общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические¹².

*

В знаменитой песне на слова А. Суркова «В землянке» (1942) почему-то особенно явственными, почти зримыми были слова о смерти, до которой «четыре

8 https://aif.ru/culture/person/ogorod_i_tvorchestvo_chto_sazhal_na_svoey_dache_boris_pasternak.

9 Кознова А. Переделкино 1936—1940 годов. Первые поселенцы // http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2022_5/Content/Publication6_8021/Default.aspx.

10 Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2011. С. 131.

11 Рубцов Н.М. Избранное. М.: Худ. лит., 1982. С. 57.

12 Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 года. М.: Политиздат, 1983. С. 2.

шага»¹³. Эта зримость была подкреплена еще и тем, что в кинокартине А. Германа «Двадцать дней без войны» Лопатин в исполнении Ю. Никулина, читая эти строки, буквально на пальцах показывает эти четыре шага:

Ты сейчас далеко, далеко,
Между нами снегá и снегá.
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти — четыре шага.
Пой, гармоника, вьюге назло
<...>

Это расстояние между жизнью и смертью, возможно, возникло не без влияния блоковской поэмы «Двенадцать» с ее образами снежной вьюги:

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюгá, ой, вьюгá!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

*

В. Лебедев-Кумач, «Широка страна моя родная» (1936):

Но сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать, —
Как невесту, Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать.

Н. Некрасов, «Памяти Добролюбова» (1864):

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

13 Именно эти слова подверглись критике: «Песня действительно “пошла”. По всем фронтам — от Севастополя до Ленинграда и Полярного. Некоторым блюстителям фронтовой нравственности показалось, что строки: “...до тебя мне дойти нелегко, а до смерти — четыре шага” — упадочнические, разоружающие. Просили и даже требовали, чтобы про смерть вычеркнуть или отодвинуть ее дальше от окопа. Но мне жаль было менять слова — они очень точно передавали то, что было пережито, пережито там, в бою, да и портить песню было уже поздно, она “пошла”. А, как известно, “из песни слова не выкинешь”.

О том, что с песней “мудрят”, дознались воюющие люди. В моем беспорядочном армейском архиве есть письмо, подписанное шестью гвардейцами-танкистами. Скавав доброе слово по адресу песни и ее авторов, танкисты пишут, что слышали, будто кому-то не нравится строчка “до смерти — четыре шага”.

Гвардейцы высказали такое едкое пожелание: “Напишите вы для этих людей, что до смерти четыре тысячи английских миль, а нам оставьте так, как есть, — мы-то ведь знаем, сколько шагов до нее, до смерти”» (Сурков А. Как сложилась песня // Истра, 1941. М.: Московский рабочий, 1975. С. 243).

Сознательно мирские наслаждения
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил
<...>

*

Державный шаг «Двенадцати» ритмизируется в написанном в 1918 году «Левом марше» Маяковского. При этом повторяется даже сама риторическая конструкция:

Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!¹⁴

Сравните у Блока:

— Кто там машет красным флагом?
<...>
— Кто там ходит беглым шагом
<...>?

*

Образ *раздуваемого* мирового пожара в «Двенадцати» («Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем») мог быть подсказан Блоку в том числе и знаменитым лермонтовским стихотворением «Смерть Поэта»:

<...>
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар...

По крайней мере, те, кто *раздували пожар*, в сущности, очень схожи и добились своих целей. Однако если в «Смерти Поэта» «Угас, как светоч, дивный гений, / Увял торжественный венок», то в «Двенадцати» этот венок был подхвачен и возрожден:

В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

*

Сталинское словоупотребление в известном телефонном разговоре с Пастернаком в 1934 году (о Мандельштаме: «Но ведь он же мастер, мастер?»), скорее всего, отразило общее мнение о поэте, сложившееся к этому времени. Об этом свидетельствует, например, такая запись в дневнике К. Чуковского за 1932 год:

14 *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1956. С. 24.

Редакторша «Лит[ературной] газеты» Усиевич захотела со мной познакомиться, пригласила меня по телефону к себе. Либерализм сказался и в том, что у меня попросили статью о Мандельштаме. «Пора этого мастера поставить на высокий пьедестал»¹⁵.

*

Оперному режиссеру Б. Покровскому приписывается характеристика одной известной иностранной певицы: «поющий шкаф»¹⁶.

...На могиле знаменитой оперной исполнительницы на Новодевичьем сооружен странный мемориальный комплекс, включающий крышку рояля, фигуру коленапреклоненного супруга, фотографию самой певицы и ее же золотой бюст. Но «эстетической кульминацией» этого торжества вкуса является установленная рядом скамейка с кнопкой, при нажатии на которую включается фонограмма покойной артистки, исполняющей «Ave Maria».

Так на явление *поющего шкафа* был дан ответ в виде *поющей скамейки*.

*

К истории советской общественно-политической фразеологии: ряд названий постановлений партии и правительства употреблялись для удобства и краткости в усеченном виде. Началось все, видимо, в 1930-х, когда вышло постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», а завершилось ранним брежневизмом с его «О фактах грубых нарушений, извращений в практике планирования колхозного и совхозного производства» (1965). Это последнее постановление неоднократно сочувственно поминается в дневнике А.Т. Твардовского, который называет это «серьезное решение» *постановлением об извращениях*¹⁷.

*

Еще Иван Бунин в «Окаянных днях» подозревал Горького в нарочитом использовании «оканья»: «Как, например, изломан и восторжен Горький! <...> (утрировано окал, на нижегородский лад)...»¹⁸

В дневниках А. Твардовского передан рассказ Дмитрия Толстого (сына А.Н. Толстого), подтверждающий, казалось бы, несправедливые желчные слова Бунина: «О Горьком.

— Окал он нарочно. Отлично мог говорить, не окая, и говорил, забывшись»¹⁹.

15 Чуковский К. Дневник. 1922—1935. М.: ПРОЗАиК, 2011. С. 487.

16 Впрочем, возможно, это не более чем байка в духе острого на язык режиссера, позволившего себе подобные обращения к актерам: «Что вы стоите, как несоразмерные шкафы?» (<https://litresp.com/chitat/ru/%D0%9F/pokrovskij-boris-aleksandrovich/stupeni-professii>).

17 Твардовский А. Новомировский дневник: В 2 т. Т. 1. М.: ПРОЗАиК, 2009. С. 245.

18 Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Дарь, 2013. С. 80.

19 Твардовский А. Новомировский дневник. Т. 2. М.: ПРОЗАиК, 2009. С. 261.

*

Младший сын Манилова, Алкид, был, по словам отца, «не так быстр», а единственное «проявление» этого мальчика заключалось в том, что он, «зажмурив глаза и открыв рот, готов был зарыдать самым жалким образом, но почувствовав, что за это легко можно было лишиться блюда, привел рот в прежнее положение и начал со слезами грызть баранью кость, от которой у него обе щеки лоснились жиром». Эти скупые подробности все же выдают ребенка в некоторой степени малоразвитого, если не сказать больше.

Как всем памятно, именно Алкиду Чичиков пообещал привезти в следующий раз подарок:

— А тебе барабан; не правда ли, тебе барабан? — продолжал он, наклонившись к Алкиду.

— Парапан, — отвечал шепотом и потупив голову Алкид.

— Хорошо, я тебе привезу барабан. Такой славный барабан, этак все будет: туррр... ру... тра-та-та, та-та-та...

Этот подарок в некотором роде отсылает нас к другому странному мальчику — Оскару Маццерату (герою «Жестяного барабана» Г. Грасса), который никогда не расстанется со своим *славным барабаном*. Любопытно и то, что имя гоголевского героя Алкида — это первоначальное имя Геракла, и означает оно «могучий, мощный», что выглядит как прямой вызов карлику Оскару.

*

«Прощание» (1935) М. Исаковского стало известной песней:

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.
Уходили, расставались,
Покидая тихий край.
«Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай...»
И родная отвечала:
«Я желаю всей душой —
Если смерти, то — мгновенной,
Если раны, — небольшой.
<...>

В письме М.Ю. Лермонтова к С. Карамзиной (от 10 мая 1841 года) читаем: «Пожелайте мне счастья и легкой раны — это лучшее из того, что мне можно пожелать»²⁰.

20 Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М.; Л.: Academia, 1937. С. 410.

*

Два рассеянных: Маршак и Гоголь.

Вместо шапки на ходу
Он надел сковороду.
Вместо валенок перчатки
Натянул себе на пятки.

Г о р о д н и ч и й. <...> О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен. (*Берет вместо шляпы футляр.*) <...> Едем, Петр Иванович! (*Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.*)

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.
Г о р о д н и ч и й (*бросая коробку*). Коробка так коробка. Черт с ней!

*

Михаил Булгаков и Арсений Тарковский:

Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке,
и поразила нас сразу обоих!

Так поражает молния, так поражает финский нож!

(«Мастер и Маргарита»)

Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как богоявление
<...>
Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке²¹.

*

У булгаковского Шарикова из «Собачьего сердца», кажется, была предшествующая «тень» — Захар из «Обломова» И.А. Гончарова. По-собачьи преданный своему барину, несколько звероподобный и неряшливый, он так охарактеризован автором: «...Захар неопрятен. Он бреется редко; и хотя моет руки и лицо, но, кажется, больше делает вид, что моет; да и никаким мылом не отмоешь...»

И далее:

— Понимаешь ли ты, — сказал Илья Ильич, — что от пыли заводится моль? Я иногда даже вижу клопа на стене!

— У меня и блохи есть! — равнодушно отозвался Захар.

Эти эпизоды чем-то напоминают булгаковские:

Затушив папиросу, он на ходу вдруг лязгнул зубами и сунул нос под мышку.

— Пальцами блох ловить! Пальцами! — Яростно крикнул Филипп Филиппович, — и я не понимаю — откуда вы их берете?

21 Тарковский А. Избранное. М.: Худ. лит., 1982. С. 168—169.

— Да что уж, развожу я их, что ли? — Обиделся человек, — видно, блохи меня любят, — тут он пальцами пошарил в подкладке под рукавом и выпустил в воздух клоч рыжей легкой ваты.

*

В огромном монологе (обращенном к своему вернувшемуся из-за границы брату Порфирию) герой пьесы Леонида Леонова «Метель» Степан Сыроваров настойчиво и неоднократно говорит: «По глазам вижу, тебе не терпится спросить... <...> О, я читаю в глазах иронию твою...»²²

Обычно скрупулезно точный в деталях Леонов почему-то забыл, что Порфирий имеет только один глаз...

*

В стихотворении Бориса Слуцкого «Расстреливали Ваньку-взводного...» есть, кажется, неожиданный блоковский пласт. Проявляется он в той просторечной интонации, заявленной у Слуцкого в первом же четверостишии:

Расстреливали Ваньку-взводного
за то, что рубежа он водного
не удержал, не устерег.
Не выдержал. Не смог. Убег.

В поэме «Двенадцать» читаем:

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах!..
Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Взводи курок!..<...>
Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

Казнь Ваньки-взводного «восстанавливается» из двух блоковских эпизодов, относящихся, правда, к убийству Катьки; сравним:

Слуцкий:

Удар в сосок, удар в висок,
и вот зарыт Иван в песок,
и даже холмик не насыпан
над ямой, где Иван засыпан²³.

22 В одной из сцен пьесы зритель встречается с еще одним леоновским «сдвигом» — интимный разговор, не предназначенный для чужих ушей, смело ведется при слепой:

Л и з а в е т а. А что... насчет полу-го?

Иван делает стеснительный жест в сторону Марфы — в том смысле, что при старушке неудобно.

Ничего, она слепая, говори.

23 Здесь не исключена пушкинская параллель: «У порога / Нашли безумца моего, / И тут же хладный труп его / Похоронили ради бога» («Медный всадник»). Но это

Блок:

А Катька где? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!
<...>
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

*

В 2009 году бывший тогда президентом Д.А. Медведев очень сердито произнес ставшую известной фразу: «Моя не реплика уже, а приговор. Реплики у вас, а все, что я говорю, — в граните отливается».

В стихотворении А.А. Ахматовой «О, жизнь без завтрашнего дня!» (1921) читаем:

О, жизнь без завтрашнего дня!
Ловлю измену в каждом слове
<...>
То словно брат. Молчишь, сердит.
Но если встретимся глазами —
Тебе клянусь я небесами,
В огне расплавится гранит.

*

После происшествия с отравлением российского политического деятеля наблюдатели заметили одну любопытную деталь: официальные власти, в том числе президент, упорно не называли пострадавшего по фамилии, предпочитая ограничиваться местоимением «он».

Не исключено, что такая манера умолчания нежелательного имени роднит нынешнюю власть с советскими бюрократами. Так, в частности, повествуя о длительных разговорах, касающихся А.И. Солженицына, редактор «Нового мира» А. Кондратович писал: «Воронков (оргсекретарь СП СССР. — П.Г.) всячески высказывал свое доброе отношение к Солженицыну, называя его, впрочем, все время “он”»²⁴.

*

Венедикт Ерофеев составил «Мою маленькую Лениниану», посвященную в основном зрелому Ленину-политику. Но и в детстве будущего вождя были любо-

уже выводит разговор на тему «маленького человека» и его пресловутого *бунта* (вернее, отсутствия такового в тексте Слуцкого). Любопытно, что сам «зачин» стихотворения Слуцкого чем-то напоминает первые предложения хрестоматийных пушкинских прозаических текстов; ср.: «Расстреливали Ваньку-взводного...» и «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова» или «Гости съезжались на дачу ***».

24 Кондратович А. Новомирский дневник: 1967—1970. М.: Сов. писатель, 1991. С. 142. Автор дневника предлагает следующее объяснение этому явлению: «В старину еретиков нельзя было называть по имени» (с. 340).

пытные примеры формирования его характера. Вот что пишет сестра Володи Ульянова:

Игрушками он мало играл, больше ломал их. Так как мы, старшие, старались удержать его от этого, то он иногда прятался от нас. Помню, как раз, в день его рождения, он, получив в подарок от няни запряженную в сани тройку лошадей из папье-маше, куда-то подозрительно скрылся с новой игрушкой. Мы стали искать его и обнаружили за одной дверью. Он стоял тихо и сосредоточенно крутил ноги лошади, пока они не отвалились одна за другой²⁵.

Кажется, маленький Володя еще не читал тогда гоголевское:

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? <...> Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная богом!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа.

*

В рассказе Шукшина «Охота жить» повествуется об убийстве бежавшим из лагеря парнем старика, приютившего беглеца в охотничьей избушке. Критики усмотрели в произведении довольно однозначное противопоставление образов: мудрый труженик и дикий уголовник. Дальнейшие интерпретации²⁶ усложнили подход к рассказу, но нравственная составляющая все же осталась прежней: немотивированное убийство старика не могло быть ничем оправдано.

В «Черных камнях» А. Жигулина находим свидетельство заключенного в сталинском лагере:

Добраться до материка было нельзя. Но бежать и жить в глухой тайге охотой или разбоем было можно. Вертолетов тогда еще не было. Но для жизни в тайге надо было бежать с захватом оружия — винтовок или автоматов. Винтовка предпочтительнее для охоты на зверя, автомат — для защиты от солдат и местных охотников, которые, польстившись на щедрые дары Дальстроя: деньги, оружие, порох, дробь, спирт, продукты, — при случае ловили беглецов²⁷.

Поступок беглеца ужасен, однако слова убийцы из рассказа Шукшина («Так лучше, отец. Надежней») все же получают некоторый «исторический контекст» как память о ГУЛАГовских временах.

*

В космический 1961 год было написано стихотворение В. Войновича, ставшее популярной песней с таким припевом:

25 Ульянова А.И. Детские и школьные годы Ильича. М.; Л.: Детгиз, 1954. С. 8—10.

26 См.: Скубач О. «Охота жить» // Шукшинская энциклопедия. Барнаул: Барнаул, 2011. С. 256—260.

27 Жигулин А. Черные камни. М.: Книжная палата, 1989. С. 168.

На пыльных тропинках
Далеких планет
Останутся наши следы.

Сравните с пушкинским:

Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей...

*

Всем, кто слышал живую речь Ю.М. Лотмана, запомнилась одна его характерная особенность: произнесение постфикса -ся там, где по современным нормам русской орфоэпии нужно было бы произносить усеченное -сь. Эта черта могла бы быть воспринята даже как «просторечие», если бы не приходили на ум пушкинские строки из стихотворения «Желание славы»:

<...>
И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилося!
<...>

Так в речи Юрия Михайловича как бы оживало пушкинское звучащее слово.